

Ю.И. Мирошников*
ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная тема не претендует на выявление всех оснований научной деятельности, а только их части, но, несомненно, чрезвычайно важной для понимания феномена науки как деятельности, как социального института, как системы знания, как феномена культуры. Глубинная основа ценностных аспектов деятельности ученых и тех результатов, которые этой деятельности обязаны, кроется в сущностных силах людей науки, в их эмоциональной сфере, в способности эмоционально оценивать различные аспекты деятельности и порождать более сложные элементы ценностного сознания.

Связывать научную деятельность с миром человеческих эмоций не принято. С эпохи классического естествознания методологическое сознание по-прежнему сохраняет представление об эмоциональной нейтральности субъекта научного познания. Поэтому не случайно, что в теме аксиологических оснований науки освоено пока немного. Больше всего в литературе ценностные аспекты научной деятельности затрагиваются в связи с обсуждением нравственных проблем научного познания¹.

На первых страницах книги «Наука и нравственность» академик Н.Н. Семенов говорит: «Наука – дело абсолютно объективное, и как таковая она беспристрастна. Но поскольку творят науку люди, испытывающие всякого рода страсти, обладающие теми или иными моральными качествами, мы не можем игнорировать нравственный аспект деятельности ученого»². Здесь сразу обозначена проблема единства эмоциональных оснований, лежащих в природе человеческого духа и вытекающих из них (связанных с основаниями обоснованных) ценностных аспектов научной деятельности. При этом ясно, что, во-первых, эмоциональные основания и обоснованные ценностные аспекты образуют генетическое и сущностное единство; во-вторых, эмоциональные реакции можно рассматривать в составе научной деятельности лишь в перспективе их рационального преобразования.

В данной работе мы хотели бы проследить генезис ценностных аспектов науки, рассматривая научную деятельность и как процесс, и как результат. В первом случае речь может идти о мотивации научного исследования и о ценностных феноменах, связанных с общественным признанием научного знания; во втором – могут интересовать ценностные аспекты различных элементов научного знания.

---

* *Мирошников Юрий Иванович* – заведующий кафедрой философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук.

¹ *Наука и нравственность* / Составитель В.И. Толстых. М., 1971; *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: Проблемы и дискуссии. М., 1986; *Тундыков Ю.Н.* Наука и мораль. Свердловск, 1988.

² *Наука и нравственность ...* С. 3.

Научная деятельность, как и всякая другая, предполагает постановку цели. Но нечто может быть воспринято как цель, только «если оно воспринимается как ценное, как способное удовлетворить ту или иную потребность или же сделать человеческую жизнь осмысленной, достойной»¹. Основанием цели выступают потребности, мотивы, интересы, образцы, идеалы. Говоря об основании целей научного познания, можно вспомнить Г. Гегеля, который писал, что человек в процессе развития познавательной деятельности «обнаруживает глубокую внутреннюю потребность в разумном понимании, которое одно лишь сообщает человеку его достоинство»².

В отечественной литературе встречаются попытки противопоставить категории ценностного сознания добра, красоты – истине – центральному понятию научного познания как вполне ценностно нейтрального. «Если бытие объекта познается человеком как истина, то его ценность переживается и осознается как благо, как добро, как красота, как величие»³. Однако истина всегда выступала высшей ценностью научной деятельности и придавала определенный смысл самым, на первый взгляд, безрезультатным этапам научного поиска, оправдывала преодоление многочисленных препятствий (иногда даже роковых) на пути ее достижения.

Конечно, ученые творят культурные смыслы отнюдь не в силу того, что они все преданы одной только истине. В научной деятельности можно реализовать не только глубокую потребность человека в бескорыстном познании мира, в страстном желании постигнуть его тайны. Как замечал А. Эйнштейн, в храме науки существует лишь небольшая когорта людей, для которых самым сильным побуждением научной деятельности является стремление к высокому. Рядом с такими людьми знаменитый ученый видел также и тех, кто тешит свое чувство интеллектуального превосходства. Здесь же встречаются и те, кто плоды своих мыслей приносят на алтарь утилитарных целей. Таким образом, диапазон мотиваций научной деятельности широк и выстраивается в виде определенной иерархии.

Единство усилий ученых достигается благодаря функционированию особого этоса, фундаментом которого выступают ценностные ориентации науки. Идеал научного познания – достижение истины. Ценность истины уравнивает усилия всех участников процесса ее поиска, какими бы мотивами в своей деятельности они не руководствовались, какими бы заслугами перед научным сообществом они не располагали. «В науке в качестве идеала провозглашается принцип, что перед лицом истины все исследователи равны, что никакие прошлые заслуги не принимаются во внимание, если речь идет о

¹ Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984. С. 8.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. М., 1974. С. 55.

³ Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974. С. 74.

научных доказательствах»¹. С этим идеалом сопряжено требование научной честности, которое, как говорит Р. Фейнман, подразумевает, что если ученый поставил эксперимент, то он должен сообщить обо всем, что, с его точки зрения, может сделать его несостоятельным. Если ученый создал теорию, то он, пропагандируя ее, должен приводить все факты, которые с ней не согласуются, и т.д.²

На основе каких бы мотивов не протекала научная деятельность, она всегда была тесно связана с теми или иными эмоциональными переживаниями, выступающими своеобразными стимулами мысли ученого. Научное сознание рождается не из одних только интеллектуальных усилий, а представляет собой культурную атмосферу, в которой не последнюю роль играет интеллектуальное удовольствие. Так, авторы очерков по истории математики пишут: «Умение с ловкостью оперировать символами и формулами, легко ориентироваться в мире абстрактных объектов, ставших “прирученными”, разбираться в теоретических построениях и управляющих ими законах и правилах, позволяющих найти решение задачи, – вот поистине интеллектуальное удовольствие»³. Эмоции способны к продуктивному сотрудничеству с мыслью. Познавательный процесс выигрывает от участия в нем эмоционального аккомпанемента. «Мысль, заостренная чувством, глубже проникает в свой предмет, чем “объективная”, равнодушная, безразличная мысль»⁴.

Научное познание начинается с постановки проблемы, а проблема рождается тогда, когда некий феномен действительности вызывает удивление. Таким образом, можно констатировать, что начало научного поиска не обходит стороной эмоциональную сферу исследователя, и поэтому талантливый ученый – человек, легко увлекаемый интеллектуальными чувствами. «Что такое Ломоносов, если рассмотреть его строго? – спрашивал Н.В. Гоголь. – Восторженный юноша, которого манит свет наук да поприще, ожидающее впереди»⁵. Но, конечно, для ученого одной восторженности или любознательности мало, успешное осуществление любой деятельности предполагает развитие у субъекта соответствующих способностей и одаренности.

Как показал Б.М. Теплов, одаренность человека, например музыке, называется музыкальностью. Важной стороной музыкальности являются эмоциональные переживания, дающие человеку возможность воспринимать не просто звуковую ткань, но и смысловое

¹ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 38.

² См.: Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И. Уставы небес: 16 глав о науке и вере. Екатеринбург, 2000. С. 101.

³ Даан-Дальмедико А., Пейффер Ж. Пути и лабиринты. Очерки по истории математики. М., 1986. С. 10.

⁴ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 290.

⁵ Гоголь Н.В. Выбранные места переписки с друзьями // Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1994. С. 149.

содержание музыки¹. В целом художественно-эстетическая деятельность возможна лишь благодаря эстетическому вкусу, основанному на эмоциональной сфере, прежде всего на способности человека чувственно реагировать на эстетические свойства предметов и явлений окружающей действительности. В основе нравственной деятельности лежит эмоциональная способность человека оценивать свои и чужие поступки. «Если духовным “орудием” эстетической оценки является вкус, то аналогичный по функции ценностный “инструмент” нравственного сознания – совесть ...»².

Способность ученого опираясь на интуицию и эмоциональные импульсы сужать зону поиска, регулировать и направлять его, когда он не поддается алгоритмизации, когда затруднительны дедуктивные методы исследования, называется эвристикой. «Можно сказать, что интеллектуальные эмоции и чувства являются конкретными психологическими механизмами, реализующими в мышлении мотивационные функции»³.

Обобщая изложенное, сделаем вывод о том, что эмоция руководит мыслительной активностью индивида, направляя ее в определенное русло⁴. Среди таких интеллектуальных чувств значительную роль играют вера и сомнение. С одной стороны, здоровый догматизм, вырастающий на психологической почве веры, не позволяет ученому застревать на идее (вполне законной) проверки научных положений, сформулированных благодаря усилиям предшествующих поколений. С другой – новая теория, претендующая стать парадигмой в научном сообществе, без устали подвергается сомнению и критике, пока она не приобретает силу привычки.

Нередко можно встретить позицию, согласно которой авторы подтверждают факт участия эмоций в процессе научного познания, но упорно не признают ценностное содержание научного знания, основанное на активности эмоциональной сферы. «Конечно, – пишет академик РАН Ю.А. Изюмов в своей биографической книге, – при проведении исследований теоретик испытывает множество ощущений: сомнение, надежду, радость находки, разочарование, предчувствие неудачи и т.д., но когда работа закончена и написана статья для публикации в журнале, все это отдалается от конечного интеллектуального продукта, и другой человек – читатель – об этом ничего не знает. Подобно шлаку в доменной печи эмоции уходят в отходы производства и отделяются от конечного продукта – холод-

¹ Теплов Б.М. Психология индивидуальных различий // Избр. труды. В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 53.

² Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 111; См. также: Резвицкий И.И. О сущности категории совести // Философские науки, 1967. № 2. С. 65.

³ Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980. С. 18-19.

⁴ См.: Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999. С. 27.

ного металла»¹. Природа науки гносеологическая, а не ценностная, – утверждается в работе М.С. Кагана². К формам ценностного сознания М.С. Каган относит этическую, религиозную, политическую, эстетическую ориентации человека, но не познавательную. Поэтому, считает он, «эмоции сопровождают процесс познания, но не являются его опорной базой, тогда как для ценностного сознания они играют именно роль опорной базы»³.

Однако научное знание не может быть свободным от ценностных аспектов, что носило характер очевидности по отношению к социально-гуманитарным дисциплинам еще во времена М. Вебера. Основоположник понимающей социологии в начале XX в., имея в виду социально-политическое познание, высказывал мысль, что ценностное содержание неизбежно проникает в научное знание через ценностные предпочтения и выбор ученых, через их мировоззрение. «Верно, – пишет М. Вебер, – что мировоззрение различных людей постоянно вторгается в сферу наших наук»⁴. Конечно, мировоззрение проникает не только в социально-гуманитарные, но и в естественнонаучные дисциплины, играя и там ту же роль предпосылочного знания. При этом нужно отметить, что ценностная составляющая мировоззрения самая важная, если сравнить ее с онтологической и рефлексивной⁵.

Вместе с мировоззрением в контекст научного знания входит картина мира как ценностно-познавательная конструкция. В структуре научной картины мира представлены различные методологические принципы, играющие роль регулятивов научного познания. В философской литературе точка зрения, рассматривающая регулятивные принципы в качестве гносеологических ценностей, является весьма авторитетной⁶.

Возвращаясь к непосредственным эмоциям, интенсивно пропитывающим атмосферу научного творчества, следует обратить внимание на то, что многие из них, подвергаясь рефлексии ученых, неизбежно превращаются в различные ценностные оценки, оказывающие существенное влияние на все решающие моменты формирования научного знания. Так, например, Б.В. Раушенбах совершенно определенно показывает, что тех грандиозных результатов, которые были получены в космонавтике С.П. Королевым, мир бы не увидел, если бы Сергей Павлович не просил разрешения, в чем ему

¹ Изюмов Ю.А. Из настоящего – в прошлое и будущее. Екатеринбург, 2000. С. 5.

² Каган М.С. Человеческая деятельность ... С. 75.

³ Там же. С. 160.

⁴ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произведения. М., 1990. С. 350.

⁵ Михайловский В.Н., Хон Г.Н. Диалектика формирования современной научной картины мира. Л., 1989. С. 12.

⁶ См., например: Микешина Л.А. Познавательный процесс и ценностное сознание // Диалектика познания. Компоненты, аспекты, уровни / Под ред. М.С. Козловой. Л., 1983. С. 103.

не отказывало военное начальство, наряду с производством боевых ракет делать космические запуски. «“Академические” варианты Королеву были совершенно не нужны для задания, которое он получил по военной части (других заданий он и не получал!), но ему они казались принципиально важными и, может быть, даже более интересными, чем боевые ракеты. Таким образом, он и добился тех результатов, которые сейчас поражают всех»¹. Поэтому окончательная ценность академического проекта на первоначальной стадии его создания заключалась в той субъективной оценке, которой его наделял (в отличие от военного варианта) Главный Конструктор.

М. Планк в автобиографии отметил, что верная оценка важности исследования глубокой связи между энтропией и энергией позволила ему опередить ряд выдающихся физиков, которые «вели поиски только в том направлении, что старались установить зависимость интенсивности излучения от температуры»². «Так как смысл понятия энтропии тогда еще не получил подобающей ему оценки, – констатировал автор идеи квантов, – то никто не интересовался методом, которым я пользовался, и я мог проводить свои вычисления не спеша и основательно, не опасаясь помех или опережения с чьей-либо стороны»³.

Если не замечать субъективных оценок отдельных направлений науки, предпочтений, оказываемых учеными тем или иным элементам и уровням научного знания, то будет трудно понять суть иерархичности как принципа построения научного знания. В философской литературе часто говорится о принципе иерархизма в построении различных систем, в том числе и систем научного знания, но, как правило, без учета ценностных аспектов этого принципа.

«Научное знание – это сложная система с весьма разветвленной иерархией структурных уровней»⁴. Сама по себе такая констатация не вызывает сомнения. Оно появляется, когда авторы эксплицируют смысловое содержание понятия иерархии. В качестве одного из важнейших свойств иерархического устройства систем обычно указывается на наличие структурных уровней. При этом многие авторы обращают внимание главным образом на такое свойство структурных уровней, как их пространственная масштабность. Считается, что вышестоящий уровень обязательно должен обладать большей пространственной (временной, энергетической) размерностью. Такое понимание иерархизма иногда называется «концепцией уровней». По мнению, например, В.И. Корюкина, «концепция уровней» организации Вселенной обязана своим появлением успехам физики и астрофизики XIX–XX вв., которые привели к осознанию

¹ Раушенбах Б.В. Постскрипtum. М., 2001. С. 100-101.

² Планк М. Научная автобиография // Единство физической картины мира. М., 1966. С. 16.

³ Там же.

⁴ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 125.

особенностей процессов микромира и мегамира, не сводимых к закономерностям макромира, привычного обычному человеку¹.

По сути дела, те же пространственные масштабы берут при выделении и уровней научного познания, к примеру, авторы работы «Философия и методология науки», когда они говорят: 1) о локальном знании, которое в любой научной области соотносится с теорией; 2) о знании, составляющем целую научную область; 3) о знании, представляющем всю науку². В более общем виде этот пространственный подход можно сформулировать так, как это делает В.А. Карпин: «Иерархичность системы означает, что каждый ее компонент в свою очередь может рассматриваться как система, а сама исследуемая система представляет собой лишь один из компонентов *более широкой системы*» (курсив наш – Ю.М.)³. При таком понимании иерархизма высшим уровнем признается тот, который обладает большим размером и пространственно объемлет другие (низшие), оказывающиеся частью высшего целого.

Несмотря на кажущуюся очевидность, простоту и позитивность такого признака иерархического устройства Вселенной (элементарные частицы – ядра – атомы – молекулы – обычные тела – планеты – галактики) признать его решающим и справедливым для всей действительности нельзя. Например, соотношение живой и косной природы не укладывается в эту схему «матрешки». Наверное, наиболее убедительно Б. Паскаль показал, анализируя парадокс человеческого существования, что высшее (то есть человек, которого французский философ называет «мыслящей былинкой») занимает ничтожно малое пространство в сравнении с низшими уровнями природы. Однако именно человек *выше* бездны Вселенной, потому что он мыслит.

С точки зрения анализируемого нами «позитивного» подхода, нельзя толковать иерархически и отношения между эмпирией и теорией. Хотя нет более общепринятого мнения в методологии науки, чем то, согласно которому эмпирия и теория – это два уровня научного познания. Однако оно отнюдь не следует из представлений о том, что, скажем, теоретический уровень вбирает в себя эмпирический или наоборот – эмпирический содержит в себе теоретический как свой элемент. Теоретический уровень выше эмпирического, потому что первый представляет собой более ценную форму духовной активности человека, он более привлекателен для ученого возможностями творчества, менее зависим от внешних привходящих условий и обстоятельств и т.д.

¹ Корюкин В.И. Концепции уровней в современном научном познании. Свердловск, 1991. С. 12.

² Философия и методология науки ... С. 125.

³ Карпин В.А. Философские основания теории патологии: принцип иерархизма // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, 2005. № 2. С. 77.

Взгляды на иерархические отношения в структуре научного сознания связаны с представлениями об иерархических связях между формами деятельности и видами способностей человека. Ценностный подход к структурным единицам человеческого сознания, к иерархии духовных сил (способностей) человека стал разрабатываться еще в античной философии. Способности разуметь, ощущать, воображать, познавать были признаны Аристотелем высокими, благородными, истинно человеческими, а способности желать, вожделеть, гневаться – низкими, свойственными животной природе. Отсюда берет начало деление философии на теоретическую и практическую. Одна – теоретическая философия, исследующая разум, учит познавать, другая – практическая, направленная на анализ низших способностей человека, помогает справиться с гневом и не стремиться к чему-нибудь неподобающему¹.

Эти положения Аристотеля, прокомментированные Давидом Анахтом, предвосхищают современное деление научного познания на фундаментальное («чистое») и прикладное (технологическое), показывающее путь к удовлетворению утилитарных потребностей человека. Эта давняя традиция сохраняется в современной науке. «Чистые химики», как писал Б.М. Кедров, удовлетворяются открытием лишь принципиальной возможности осуществления той или иной реакции, тогда как создатели химической технологии должны спуститься с высот духовного производства химических знания к будням материального производства².

Та же ценностная бинарная оппозиция высокого-низкого лежит в соотношении теоретического и эмпирического познания. С одной стороны, белые перчатки теоретика, с другой – продырявленный фартук экспериментатора. Кто-то из ученых выбирает «чистую» науку, кто-то прикладную; один проявляет склонность к теоретическим исследованиям, а другой к эмпирическим. Это дело их субъективной оценки, формирующейся не без влияния эмоциональных предпочтений и интересов. Почему учитель академика И.Я. Постовского немецкий химик Ф. Кёгль занялся экспериментальным исследованием вещества? И почему, как позднее вспоминал Исаак Яковлевич, Кёгль являлся в свою лабораторию в смокинге и белых перчатках? «Снимет, бывало, с рук белые перчатки и примется за опыт. Ни одна капля раствора не попадала на его безупречный костюм»³. Вполне возможно, что с точки зрения Кёгля, которую он выражал оформлением своей внешности, эмпирический уровень научного познания был не ниже теоретического, а может быть даже и выше. Такие оценки не редкость в среде экспериментатором, хотя

¹ Давид Анахт. Определения философии // Сочинения. М., 1975. С. 82.

² Кедров Б.М. От редактора // Кузнецов В.И., Зайцева З.А. Химия и химическая технология. Эволюция взаимосвязей. М., 1984. С. 3.

³ Дижур Б.А. Конструкторы молекул. Свердловск, 1978. С. 55.

трудно предположить, что кто-то из них продолжает и сегодня трудиться в смокинге.

Научное знание обладает ярко выраженными динамическими свойствами, траектория его движения включает в себя ряд превращений и коллизий. Начало этому пути кладет идея, возникая, как правило, неожиданно в сознании ученого. Идея – весьма своеобразный интеллектуальный продукт: это еще не гипотеза, не концепция, не научная программа, которые предполагают понятийную форму выражения. Идея целостна и образна, тесно переплетена с чувствами и укоренена в экзистенциальном существе ученого, входит в круг его идентичности¹. «Моя идея, – писал Р. Фейнман, – казалась мне настолько логичной и настолько изящной, что я влюбился в нее без памяти»². Но и понятийные формы знания, о которых упоминалось выше, не лишены элементов образности и эмоциональности. «Обычно принято считать, – пишет И.М. Забелин, – что наука имеет дело только с понятиями, но в основе понятий, если обнажить их корни, как правило, оказывается образ и язык науки, – заключает автор, – так же как и язык искусства, образный и подчас очень яркий язык»³. Яркий в эмоциональном плане имеется здесь в виду. Далее автор приводит многочисленные примеры научных терминов из близких ему естественных дисциплин: снежный заряд, пустынный загар (темная корка на поверхности скал), солнечная корона, вечная мерзлота, роза разломов и т.д.⁴

Наличие чувственно-образного и эмоционально-оценочного аспектов в языке науки – это одна из предпосылок успешности научной коммуникации. Научное знание на своем пути должно преодолевать трудности его понимания, правильно восприниматься различной аудиторией. Знание, добытое конкретным ученым, становится знанием в полном смысле этого слова тогда, когда оно превращается в достояние общественности: сначала научной, потом образованной и, наконец, благодаря средствам массовой коммуникации и сфере образования – всему обществу. Начавшись с идеи, научное знание отправляется в долгий путь своего формирования и развития и в законченном виде «угасает» либо в параграфе школьного учебника, либо в продукте материального производства.

«Чтобы приобрести рабочий “инструментальный” смысл, идея должна быть воспринята научным сообществом, сопоставлена с другими, оценена, “индексирована” сообразно определенной шкале, как более ценная или менее ценная, перспективная, практически

¹ См.: Сумбаев И.С. Научное творчество. Иркутск, 1957. С. 24; Крымский С.Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопросы философии, 1998. № 4.

² Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968. С. 196.

³ Забелин И.М. О культуре мышления // Человек и человечество. Очерки. М., 1970. С. 16-17.

⁴ Там же. С. 17.

значимая и т.д., – утверждают С.Р. Микулинский и М.Г. Ярошевский. – Эта неформализуемая шкала и придает ей “вес”, от которого в свою очередь зависит ее дальнейшая жизнь»¹. Существуют особые социальные институты, задачей которых является оценка, выстраивание рядов преемственности научных результатов и их распространения в обществе, хотя, конечно, одной из самых главных движущих сил распространения знания выступает потребность ученых в общении и общественном признании.

Еще классик естествознания Ж.Б. Ламарк справедливо заметил: «Каких бы трудов не стоило открытие новых истин при изучении природы, еще большие затруднения стоят на пути их признания»². Внутри науки как особой сферы общества давно сложилась определенная практика управления процессом распространения знания и его признания («выстраивания рядов преемственности» – Э.А. Поляк). «Примеры нарушения преемственности научных результатов ... могут иметь преднамеренный или непреднамеренный характер и связаны с недостаточно полным цитированием, искажением содержания цитат и замалчиванием нежелательных выводов из них; со случаями необоснованного отторжения некоторых научных результатов или, напротив, необоснованного их возвышения»³.

Ученый не должен отгораживаться от запросов и проблем социокультурной динамики знания и прежде всего в отношении к тому, к которому он пришел в результате собственных усилий. «Я убедился, – утверждает А.А. Нейфах, – что в науке такие правила игры, что пропагандировать свои работы, надо самому – выступать, печататься в престижных журналах, уметь свою работу подать, иначе не только вы не получите, что заслуживаете, но и наука не получит ваших работ, не узнает о них»⁴. Однако вся эта активность ученого, добивающегося признания результатов своей познавательной деятельности, может быть оправдана лишь тогда, когда он действует во имя истины как идеала, как одной из самых главных ценностей культуры.

Таким образом, в ценностном сознании ученого совершается определенный цикл развития от непосредственной эмоциональной оценки до таких абстрактных ее модификаций, как идеал. Ценностное сознание входит в качестве важного аспекта в процесс мотивации научного поиска, а также в его результаты, выраженные как в

¹ *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Восприятие открытия как науковедческая проблема // Научное открытие и его восприятие / Под ред. С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского. М., 1971. С. 6.

² Цит. по: *Философия и методология науки ...* С. 13.

³ *Поляк Э.А.* Управление преемственностью научных результатов: цитирование и замалчивание, отторжение и возвышение // Новые идеи в социокультурной динамике науки / Под ред. Ю.И. Мирошникова. Екатеринбург, 2005. С. 306.

⁴ *Нейфах А.А.* Взгляды, идеи, раздумья. М., 2001. С. 10.

допонятийной, так и в понятийной форме. Ценностное сознание оказывает свое влияние на иерархические отношения между различными типами знания и видами научной деятельности. Верх и низ в науке существуют и консолидируют научное сообщество благодаря ценностному сознанию. Ценностное сознание служит основой для оценки в процессе выбора научного направления, в признании значимости результатов деятельности ученого на том или ином этапе его деятельности, в движении знания от отдельного ученого к научному сообществу и обществу в целом.